

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

И. В. Шевчук

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ

Учебное пособие

Часть 1

Волгоград, 2023

ББК 67.521.1я73
УДК 343.983(075.8)
Ш 37

Рецензенты:

кандидат юридических наук **Н. Ф. Колосов**,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС;

кандидат юридических наук **Ю. С. Митькова**,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Шевчук, И. В.

Ш 37 **Предъявление для опознания живых лиц:** учебное пособие. Часть 1 / И. В. Шевчук; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – Систем. требования: Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц; Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS; Оперативная память 2 ГБ оперативной памяти; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 24 с.

В настоящем пособии освещены актуальные аспекты, связанные с уголовно-процессуальными, психологическими и тактическими особенностями предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования.

В работе рассмотрены понятие, цели, виды, участники предъявления для опознания. Уделено внимание психологическим основам, организационно-подготовительным и тактическим вопросам рассматриваемого следственного действия.

Издание предназначено для практических работников юридического профиля, а также студентов, изучающих юриспруденцию.

Пособие будет издаваться в двух частях.

ISBN 978-5-7786-0882-5

© Шевчук И. В., 2023

© Волгоградский институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования	6
1.1. Понятие и цели предъявления для опознания, его виды и участники	6
1.2. Психологический аспект предъявления для опознания живых лиц.....	15
Библиографический список.....	20

Введение

Успешная борьба с преступностью во многом зависит от умело организованного и профессионально проведенного предварительного расследования. Именно на данном этапе уголовного судопроизводства обнаруживаются и закрепляются доказательства совершения преступления конкретным лицом, принимается решение о привлечении его в качестве обвиняемого, исследуются все другие обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Проблема установления истины при расследовании преступлений нередко находит свое разрешение при проведении такого сложного следственного действия, как предъявление для опознания. Этим определяется его значимость в арсенале средств уголовно-процессуального доказывания и объясняется тот интерес, который оно продолжает вызывать как у представителей научного сообщества, так и у правоприменителей.

Несмотря на то, что проблемы предъявления для опознания исследовались в работах многих видных отечественных процессуалистов и криминалистов, а их вклад в теоретическую и практическую составляющую достаточно значим, сегодня остается множество вопросов, связанных с качественной процедурой его производства.

Следует отметить, что в условиях высокого уровня преступности, серьезного противодействия, оказываемого правонарушителями при расследовании преступлений, большое значение приобретает вопрос обеспечения безопасности лиц, содействующих осуществлению правосудия. Нередко потенциальный опознающий подвергается угрозам, шантажу, запугиванию со стороны представителей преступного сообщества, что может повлечь утрату возможности получения важнейшей доказательственной информации.

Справедливости ради скажу, что институт защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, постоянно расширяется, и подтверждением этому является принятие ряда норм, способствующих реализации обозначенной проблемы. Так, ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] предоставляет дополнительные гарантии безопасности участникам уголовного судопроизводства, если им или их близким угрожают убийством, применением насилия, повреждением имущества и пр. Что же касается несовершеннолетних, то законодатель урегулировал особенности проведения ряда следственных действий, в том числе и опознания, с их участием, закрепив важнейшие положения в ст. 191 УПК РФ [1].

Все эти законодательные новеллы требуют разработки современных тактических приемов, обеспечивающих достоверные результаты предъявления для опознания, с учетом надежной защиты участвующих в нем лиц.

Необходимо также отметить, что эффективность производства рассматриваемого следственного действия во многом зависит от качественной его организации и проведения в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и криминалистическими рекомендациями, разработанными применительно к предъявлению для опознания. Их незнание или неумелое применение нередко приводит к тому, что проведенное следственное действие теряет свое доказательственное значение.

Предъявление для опознания – весьма специфическое следственное действие, так как опирается на сложные психические процессы, происходящие в сознании опознающего. Со-

ВВЕДЕНИЕ

держание этих процессов не всегда достаточно четко осознается самим участником предстоящего опознания. Поэтому от искусства и профессионализма правоприменителя во многом зависит получение необходимой информации об интересующем его объекте и последующее ее использовании по уголовному делу.

Актуальность рассмотрения вопросов проведения опознания по динамическим признакам подтверждается не только анализом научной литературы, но и материалами следственной практики. Отсутствие четких рекомендаций по тактике производства этого следственного действия приводит к тому, что по ряду уголовных дел утрачивается возможность опознания человека по признакам голоса и речи.

Изложенные обстоятельства, а также ряд других, определяя актуальность поднятой проблемы, послужили основанием для подготовки автором настоящего пособия.

В предлагаемом издании рассмотрены понятие и цели обозначенного процессуального действия, его виды и участники, психологическая сущность, организационно-тактические аспекты, особенности тактики производства и способы фиксации на стадии предварительного расследования.

Глава 1

Уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования

1.1. ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ, ЕГО ВИДЫ И УЧАСТНИКИ

Предъявление для опознания является самостоятельным следственным действием, которое достаточно широко применяется при расследовании преступлений. И хотя законодательное закрепление оно получило лишь в 1959–1961 гг. с принятием новых на тот период уголовно-процессуальных кодексов союзных республик бывшего СССР, лица, расследующие преступления, задолго до этого успешно использовали его познавательный потенциал.

Обобщение и анализ материалов следственной практики впервые провел В. И. Громов, что позволило ему высказать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию процедуры предъявления для опознания и тактике его проведения. Отмечу, что многие из его предложений были впоследствии восприняты законодателем [2, с. 211–218].

По пути признания предъявления для опознания самостоятельным средством получения доказательственной информации, причем достаточно специфичным, шла и Прокуратура Союза ССР, подготовившая и издавшая в 1936 г. специальное методическое письмо по данной проблеме [3].

Тем не менее отсутствие законодательного его закрепления вызывало неоднозначное отношение ученых процессуалистов к вопросам возможности идентификации объектов по мысленному образу.

Нередко опознание проводилось по аналогии с другими процессуальными действиями, такими как допрос, очная ставка, обыск, осмотр места происшествия и пр., и рассматривалось как своеобразный способ собирания доказательств при расследовании преступлений.

Так, например, М. С. Строгович предлагал считать опознание особой формой допроса, при которой наряду с показаниями допрашиваемого осуществляется и отождествление объекта по мысленному образу [4, с. 199].

М. А. Чельцов также называл это следственное действие допросом, хотя и высказывался за самостоятельный его характер [5, с. 387–388].

Тот факт, что в рамках упомянутого процессуального действия попутно проводилось опознание, объяснялся тем, что необходимость идентификации по мысленному образу выявлялась именно при производстве допроса и была одним из элементов последнего.

Глава 1 Уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования

Понимание того, что и допрос, и предъявление для опознания являются самостоятельными средствами доказывания, по сути дела и побудило ученых правоведов к переосмыслению их сущности и разграничению. Нельзя не отметить, что проведенные в 50-е гг. научные исследования проблемы опознания при расследовании преступлений и запросы правоприменителя по более эффективной борьбе с преступностью привели к признанию его процессуальной природы и, в конечном итоге, к законодательному закреплению [6; 7; 8; 9].

В уголовном процессе сущность предъявления для опознания усматривают в том, что опознающему в установленном законом порядке предъявляется какой-либо объект для того, чтобы выяснить, является ли он тем самым, который ранее им воспринимался и о котором давал показания на предшествующем опознанию допросе. Сопоставляя приметы и особенности предъявленного объекта с сохранившимся в его памяти образом, опознающий приходит к определенным выводам и отвечает на интересующий следствие вопрос [10, с. 283; 11, с. 185; 12, с. 189; 13, с. 317].

Наука криминалистика относит предъявление для опознания к действиям идентификационного характера, в рамках которого устанавливается тот единичный конкретный объект материального мира, который непосредственно участвовал в следообразовании.

Н. Н. Гапанович говорил, что «предъявление для опознания есть особая форма отождествления, состоящая в предъявлении опознающему лицу не менее трех сходных (однородных) объектов в целях установления тождества объекта, имеющего отношение к исследуемому в судопроизводстве событию» [14, с. 125].

М. И. Еникеев, также отмечал его идентификационный характер и особо подчеркивал, что опознание рассматривается как процесс и результат отнесения предъявленного объекта к ранее сформировавшемуся образу. И образ текущего восприятия сравнивается с образом, хранящимся в памяти [15, с. 375].

С учетом этого в понимании сущности обозначенного процессуального действия акцент делается на отождествлении объекта по его мысленному образу.

Сущность предъявления для опознания тесно связана с его понятием, о котором исследователями данной проблемы высказаны различные суждения.

Так, Г. И. Кочаров определял это действие следственным, причем указывал на его цель – установить, является ли предъявляемый объект тем самым, который опознающий наблюдал ранее в связи с фактами, имеющими отношение к исследуемому событию [6, с. 4].

По сути, эти же моменты отражены и в определении Н. В. Терзиева, рассматривавшего предъявление для опознания как судебно-следственное действие, имеющее своей целью путем предъявления конкретного объекта потерпевшему, свидетелю, обвиняемому, подсудимому или стороне в гражданском процессе установить, является ли данный объект тем самым, что это лицо в прошлом знало или наблюдало в определенной обстановке [16, с. 111]. Подобных взглядов придерживался и профессор Н. Н. Гапанович, указывая, что: «Процессуальная направленность предъявления для опознания только на установление тождества несомненна. Опознающему всегда формулируется задача на опознание, и возможный отрицательный или промежуточный вывод этой задачи не меняет» [14, с. 124]. В. В. Степанов и Ю. Н. Михайлова высказывают такое же мнение, подчеркивая, что идентификация является сущностной чертой опознания [17, с. 29].

Подобный подход не нашел единодушной поддержки среди процессуалистов, исследовавших данную проблему.

Так, П. П. Цветков, А. Е. Крикунов, А. Ф. Маевский, З. Г. Самошина, М. Противинский и ряд других ученых считали, что определение цели только установлением тождества значительно сужает возможность этого следственного действия. Указание же одной из целей установления групповой принадлежности и даже различия будет в полной мере отвечать требованиям объективности расследования [18, с. 10; 19, с. 9; 20, с. 6; 21, с. 14]. Представители научного сообщества современности также демонстрируют различные взгляды на проблему. В учебнике по уголовному процессу под редакцией А. С. Усачева встречаем формулировку, где цель опознания определяется только идентификацией объекта [22, с. 209]. В. В. Кальницкий предлагает к целям отнести помимо отождествления еще и различие [23, с. 294].

Н. Н. Егоров и Е. П. Ищенко демонстрируют солидарность с ранее указанными учеными, полагая, что целью является не только установление тождества, но и сходства или различия [24, с. 386].

Справедливости ради замечу, что при подготовке ныне действующего УПК РФ его авторы также говорили об установлении различия как одной из возможных целей предъявления для опознания. Однако в ныне существующей редакции, норма, регулирующая опознание, вообще не содержит указания на цель этого следственного действия. Законодатель лишь отмечает возможность его производства при определенных условиях [1].

Отдавая предпочтение этой позиции, представляется необходимым в определении понятия предъявления для опознания в качестве целей указывать не только установление тождества, но также сходства или различия опознаваемого объекта.

С учетом изложенного можно предложить следующую его дефиницию.

Предъявление для опознания является самостоятельным следственным действием, проводимым в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и с учетом разработанных криминалистических рекомендаций, содержанием которого является предъявление опознающему объекта, который он воспринимал ранее, в целях установления его тождества, сходства или различия.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. посвятил рассматриваемому следственному действию несколько статей. К их числу отнесены 193, 166, 167 [1]. Указанные нормы предусматривают возможность его производства и отражают основные процессуальные правила, регулируют закрепление хода и результатов. Также законодатель ввел отдельную статью (191), регламентирующую особенности проведения некоторых следственных действий, в том числе и предъявления для опознания, с участием несовершеннолетних. Урегулирован вопрос, связанный со спецификой проведения опознания путем использования видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ [1]).

Учитывая специфику этого процессуального действия, законодатель достаточно четко определил его важнейшие законоположения, которые в целом сводятся к следующему:

1) опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут произвести опознание;

2) лицо, опознание которого производится, предъявляется опознающему вместе с другими лицами, по возможности сходными по внешности с опознаваемыми;

3) повторное опознание лица или предмета одним и тем же опознающим и по тем же признакам недопустимо;

4) общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех. Это правило не распространяется на опознание трупа;

5) перед началом предъявления для опознания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, о чем делается отметка в протоколе;

6) при невозможности предъявления лица опознание может быть произведено по его фотокарточке, предъявляемой одновременно с другими фотокарточками в количестве не менее трех;

7) предмет предъявляется в группе однородных предметов;

8) если опознающим является свидетель или потерпевший, они перед опознанием предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, что отмечается в протоколе;

9) опознающему предлагается указать лицо или предмет, о котором он дал показания. Наводящие вопросы не допускаются;

10) если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он узнал данное лицо или предмет;

11) предъявление для опознания производится в присутствии понятых;

12) о предъявлении для опознания составляется протокол;

13) в целях обеспечения безопасности опознающего это следственное действие может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Отмечу, что в дальнейшем это положение было развито и нашло свое отражение в ч. 3 ст. 11 УПК РФ (ФЗ от 29.06.2009 № 141-ФЗ; от 228.12.2010 № 404-ФЗ; от 30.12.2015 № 440-ФЗ), тем самым был усилен аспект обеспечения безопасности указанным лицам [1].

Представляется необходимым более подробно остановиться на актуальных проблемах предъявления для опознания.

Важно сказать, что рассматриваемое следственное действие носит сложный комбинированный характер и состоит как бы из двух процессуальных действий: допроса и опознания. Причем законодатель достаточно ясно обрисовал свою позицию относительно необходимости проведения предварительного допроса с целью выяснения обстоятельств, при которых происходило восприятие события, а также примет и особенностей, с помощью которых можно впоследствии опознать объект. Законодатель отмечает, что приметы должны быть достаточно конкретны. Таким образом, допрашивая потенциального опознающего, следователь (дознатель) прежде всего формирует свое представление о необходимости и целесообразности предъявления для опознания в дальнейшем. При положительном решении субъект доказывания определяет тактику допроса с учетом всех факторов, которые максимально позволят собрать необходимую информацию об искомом объекте. На тактических аспектах этого следственного действия мы детально остановимся в следующей главе настоящего пособия.

Отмечая новеллы, урегулированные уголовно-процессуальным законом, следует высказать слова поддержки относительно четко обозначенной позиции законотворца о запрете повторного опознания тем же опознающим и по тем же признакам, подобный подход подвел черту под длительными спорами по этой проблеме. Однако и на сегодняшний день продолжают возникать вопросы, связанные с непониманием сути повтора. Можно ли, к примеру, предъявлять лицо для опознания после проведенных «узнавательных» оперативно-розыскных мероприятий? Ряд авторов считают, что упомянутый запрет характерен лишь для повторных процессуальных процедур опознания. Поэтому полагают вполне оправданным проведение процессуального опознания после узнавания непроцессуального. Так В. А. Снетков, А. М. Зинин, А. Л. Ганский, А. В. Гусев, А. Я. Гинзбург и др. [25, с. 92; 26, с. 23; 27, с. 37] допускают проведение оперативно-розыскного отождествления по фотографии, с последующим предъявлением для опознания живого лица в соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ [1].

Думается, что воззрения ученых, чьи доводы сводятся к отрицанию подобной схемы действий, вполне обоснованы. Дело в том, что рассматриваемое нами следственное действие столь специфично по своей сути, что совсем неважно в процессуальной или в непроцессуальной форме оно осуществлялось. С точки зрения психологии механизм узнавания срабатывает абсолютно одинаково как в той, так и в иной ситуации. Соответственно, при предварительном показе объекта по фотографии облик, ранее воспринятый, связанный непосредственно с преступным деянием, перекрывается продемонстрированным образом. В подобном случае опознающий, при предъявлении для опознания, начинает сравнивать предъявляемых ему лиц с изображениями, которые ему уже показывались, но в рамках оперативного мероприятия.

В связи с этим возникает вопрос, а достоверны ли будут результаты опознания, проведенного после оперативного узнавания? Есть ли смысл тратить время на подготовку и его проведение, если доказательственная ценность может быть поставлена под сомнение или вовсе сведена на нет стороной защиты? Думается, что позиция, Е. В. Егоровой, определяющей, что «проведение оперативного “отождествления лица” путем узнавания является препятствием для последующего уголовно-процессуального предъявления для опознания, исключает его» [28, с. 52], является абсолютно справедливой.

Нисколько не умаляя роли оперативных мероприятий в «отождествления личности», поддерживаю мнение авторов, считающих, что в описываемой выше ситуации, после проведения оперативного узнавания сотруднику следует закрепить этот факт путем детального опроса лица с последующим занесением полученных сведений в соответствующие документы. Эта информация может быть ценной как для выдвижения версий, так и при подготовке и проведении других следственных действий [28, с. 53].

Что же касается несколько иного аспекта, а именно непосредственно повторного процессуального опознания, то здесь тоже далеко не все однозначно. Если ранее, до принятия ныне существующего кодекса, вполне допускалось повторное опознание в случаях, которые характеризовались, по сути дела, плохой некачественной его подготовкой, к примеру: если опознающий был в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или следователь предварительно не выяснил, что потенциальный опознающий был подвергнут шантажу, запугиванию, угрозам; если предъявление для опознания проводилось в худших условиях для

восприятия, чем те, которые были изначально, когда опознаваемый предъявлялся в таком виде, который явно свидетельствовал о пребывании этого лица в местах предварительного заключения и как бы наталкивал опознающего на мысль, о том, что человек не зря задержан, возможно это он. Все названные обстоятельства, и ряд других, в общем-то, не препятствовали тому, чтобы лицо опознавалось повторно после устранения перечисленных препятствий.

Справедливости ради отмечу, что мнения процессуалистов, исследовавших обозначенную проблему в тот период времени, сводились как к полному и категоричному отрицанию повторного опознания [29, с. 19], так и вполне допустимому при определенных обстоятельствах. При этом все же оговаривалось, что «при повторном восприятии опознаваемого ценность показаний опознающего значительно снижена, если не полностью исключается» [30, с. 30–34].

Действующие положения закона, регулирующие предъявление для опознания, четко обрисовали подход законодателя к категоричному запрету повторно его проводить тем же опознающим по тем же признакам.

Думается, что подобная формулировка комментируемой статьи нацелит правоприменителя на более скрупулезный подход по осуществлению организационно-подготовительных мероприятий к предстоящему опознанию, с учетом складывающихся следственных ситуаций, что в свою очередь минимизирует степень получения отрицательных результатов.

Выскажу свое мнение относительно возможного опознания того же лица и тем же опознающим в случае планируемого опознания по анатомическим признакам (внешность) и по динамическим (признаки голоса и речи). Отмечу, что тактические особенности опознания по указанным признакам сводятся к тому, что первый вид реализуется при непосредственном восприятии наружного облика человека, другой же – в условиях, когда опознающий не видит внешность, но слышит голос и речь. Представляется, что подобная процедура не противоречит положениям закона и позволяет организовать несколько самостоятельных актов опознания с учетом предложенных криминалистами тактических приемов и рекомендаций.

На ряду с отмеченными положительными моментами, следует отметить необходимость изменений некоторых положений, регулирующих существующую норму закона.

Прежде всего хочется присоединиться к совершенно справедливому замечанию, высказанному профессором А. П. Рыжаковым [31], связанному с указанием законодателя на возможность производства опознания только следователем. Безусловно, когда речь идет о расследовании преступлений в форме предварительного следствия, не вызывает никакого сомнения факт, что субъектом производства опознания выступает именно он, однако, это следственное действие может проводиться и руководителем следственного органа, и следователем-криминалистом. Относительно расследования в форме дознания, то таким лицом может быть и дознаватель, и начальник подразделения дознания, и орган дознания.

Не думаю, что будет правильным перечислять всех возможных участников, имеющих право осуществлять обозначенное следственное действие, тем самым «перегружая» норму закона, но все же представляется целесообразным уйти от предложенного законодателем термина, заменив его на словосочетание «уполномоченное (правомочное) должностное лицо».

Рассуждая далее, отмечу категоричную формулировку ч. 2 ст. 193 УПК РФ, где законодатель, заменив термин «наблюдали» (УПК РСФСР 1960 г.) на термин «видели», в общем-то не оставил субъекту доказывания шанса осуществлять опознание, используя также и иные виды восприятия важнейшей криминалистически-значимой информации, кроме как зрительного. А. П. Рыжаков, положительно оценивая такое решение, считает, что теперь поставлена точка в спорах о возможном опознании по признакам голоса, речи, на ощупь, по запаху и вкусу. Действительно, в специальных источниках содержатся сведения, свидетельствующие о том, что зрительный канал является наиболее значимым в плане поступающей человеку информации. Однако представляется неверным сбрасывать со счетов многолетние теоретические разработки ученых, касающиеся способности человека узнавать другое лицо по признакам голоса, речи, тактильным ощущениям и прочим признакам. В связи со сказанным отмечу мнение А. С. Князькова, которое сводится к тому, что: «результаты проведения опознания на основе использования иных, кроме зрительного, анализаторов позволяют следователю утвердиться в правильности выдвинутых им версий либо усомниться в них и выдвинуть новые

предположения. Само опознание такого рода и полученные утвердительные ответы об узнавании лица имеют и тактическое значение, поскольку они могут быть использованы в качестве средств психологического воздействия при допросе опознанных лиц» [32, с. 84].

Считаю, что при наличии информации о том, что признаки голоса и речи воспринимались достаточное время и хорошо запомнились потенциальным опознающим, следует его подробно допросить по этому поводу, при этом подробно выяснив все их характерные особенности. В дальнейшем же – подготовить и провести рассматриваемое следственное действие.

Напомню, что голос каждого индивида уникален и неповторим, а его признаки довольно устойчивы и относительно неизменяемы на протяжении длительного времени. То же самое свойственно и для устной речи. Скажу, что в источниках, посвященных обозначенным аспектам, вполне справедливо отмечается, что указанные признаки не являются равнозначными понятиями. Особенности звукового компонента речи (голоса) связаны, прежде всего, с индивидуальным строением гортани, возможными аномалиями голосового аппарата, различными заболеваниями, сама же устная речь характеризуется наличием словарного запаса, активно используемого при разговоре, с включением в него местного диалекта, профессионализмов, жаргонизмов, слов-паразитов, архаизмов, неологизмов, и т.д., темпом произношения слов, своеобразием построения предложений. При этом большое значение имеют и встречающиеся дефекты или отклонения от нормы, к числу которых можно отнести гнусавость, картавость, шепелявость, заикание, акцент и др. Указанные признаки в своей совокупности достаточно ярко характеризуют конкретного человека, индивидуализируют его и тем самым отличают одного от другого. Важно подчеркнуть, что они вполне могут быть восприняты потенциальным опознающим, осмыслены им и храниться в его памяти как своеобразный мысленный (идеальный) след. При грамотном же подходе к выяснению этих признаков на допросе, предшествующем опознанию, можно словесно визуализировать искомый образ, а в дальнейшем организовать и провести опознание, получив надежное доказательство по делу. Отмечу, что специфика опознания живого лица по признакам голоса и речи будет рассмотрена в следующей главе.

В связи со сказанным представляется логичным несколько изменить норму закона, заменив термин «видели» на термин «воспринимали».

Думается, что такая корректировка, закрепленная на уровне закона, более полно отразит реальную практику предъявления для опознания лиц в уголовном судопроизводстве как по анатомическим, так и по динамическим признакам.

Вопросом, требующим внимания, по мнению автора, является позиция законодателя относительно одного из условий опознания – подбора по возможности сходных лиц, предъявляемых совместно с опознаваемым (ч. 4 ст. 193) [1]. В норме такое требование сформулировано очень размыто и неконкретно. Не вполне понятно, когда правоприменитель «может позволить» себе его не выполнить? И не приведет ли такая уступка к нежелательным последствиям при получении доказательства? Кстати, практика знает подобные примеры, когда следователь, не утруждая себя подбором необходимых схожих лиц, предъявил для опознания одновременно троих подозреваемых совместно с двумя статистами. Какими соображениями руководствовался в описываемой ситуации правоприменитель, остается только догадываться. В подобном случае были существенно нарушены как процессуальные правила, так и криминалистические рекомендации, касающиеся рассматриваемого следственного действия.

Следует заметить, что о необходимости внесения в анализируемую норму изменений говорят А. М. Баранов и Я. М. Мазунин, считающие, что в целях повышения эффективности предъявления для опознания следует предложить следующую формулировку этой части статьи: «не имеющих резких различий по внешности и одежде» [33, с. 24–25]. Представляется, что подобное предложение вполне заслуживает внимания. По крайней мере его реализация позволит минимизировать степень получения недопустимого доказательства.

Переходя к вопросу об объектах предъявления для опознания, необходимо отметить, что ст. 193 УПК РФ содержит их перечень. К числу таковых законодатель отнес: живые лица, трупы и предметы [1]. Кроме того, предусмотрено опознание лица по фотокарточке, но лишь при невозможности предъявления его лично. Однако анализ криминалистической литературы, как известно, содержащей в себе рекомендации прикладного характера, свидетельствует о том, что таких объектов и разновидностей гораздо больше, чем обозначено в норме. Исследователями данной проблемы были предложены различные подходы к их определению.

В свое время наиболее обстоятельный перечень объектов опознания был дан П. П. Цветковым, который относил к их числу следующие:

- 1) любые предметы материального мира, ранее наблюдавшиеся свидетелем или иным лицом при обстоятельствах, имеющих значение для дела (в том числе живые лица, трупы, животные, местность, строение);
- 2) отдельные части различных предметов материального мира;
- 3) фотографические и художественные изображения предметов или их частей;
- 4) фотоснимки со скульптурных портретов, изготовленных по методу М. М. Герасимова;
- 5) слепки со следов ног и различных предметов;
- 6) слепки и муляжи с лица и отдельных частей неопознанных трупов [18, с. 22].

А. Я. Гинзбург [34, с. 9], Е. В. Цыпленкова [35, с. 15] предлагали считать правомерным и проведение опознаний участков местности и помещений, считая, что это позволит расширить возможности этого следственного действия в процессе установления истины по делу.

Ю. М. Корухов, наряду с упомянутыми объектами, указывал и рукописные тексты [36, с. 7].

В. В. Степанов и Ю. Н. Михайлова высказывали мнение относительно частей трупов людей. При этом считая, что обозначенный объект должен найти свое отражение в законе [17, с. 30].

В литературе можно встретить и так называемые нетрадиционные объекты. Ю. В. Гаврилин полагает, что вполне могут быть предъявлены для опознания и компьютерная информация в виде программ, и базы данных, и текстовые или графические файлы их носителей [37, с. 65].

В соответствующих источниках встречаются предложения к объектам опознания отнести и другие элементы, к примеру: скульптурные портреты, изготовленные по черепу; субъективные портреты; жидкие и сыпучие вещества – и это далеко не все, что, по мнению ученых, может быть предъявлено для опознания.

Как справедливо отмечают авторы Е. В. Егорова и Д. А. Бурыка, нечеткое обозначение законодателем такого объекта, как «предмет» дает повод для расширительного его толкования [38, с. 412–424].

Буду солидарна с авторами, полагавшими, что предъявление для опознания рукописи и почерка (подписи) практически невозможно, следуя всем требованиям УПК РФ. В отдельных случаях можно установить только сходство, тем самым сузив группу искомого объекта. Ответить же на вопрос об исполнителе рукописи может только эксперт, в рамках соответствующей криминалистической экспертизы, используя специальные знания и научно обоснованную методику.

Достаточно противоречивые мнения высказываются учеными по поводу возможности и целесообразности отнесения к объектам опознания объективных и субъективных отображений внешнего облика человека. В криминалистической литературе, в разделе «Габитоскопия» содержится подробная информация о них. К первым относят слепки и муляжи (маски) с лица и отдельных частей тела неопознанных трупов, объемные пластические модели. Характеризуя их, Ю. П. Дубягин констатирует, что «маски – это объективные отображения элементов лица человека и в этом смысле не отличаются от фотокарточек» [39, с. 322]. В связи со сказанным вполне уместно поддержать позицию Е. В. Егоровой и Д. А. Бурыки, считающих возможным опознание трупов по результатам таких процедур.

Что же касается субъективных отображений, а они, как известно, включают в себя реконструкции лица по черепу, осуществляемые по методу М. М. Герасимова, а также субъективные (синтетические) портреты, изготовленные непосредственно художником со слов очевидца, либо с использованием различных технических средств, то объектами опознания они выступать не могут. Подтверждением этого являются высказывания видных ученых криминалистов, отмечавших, что субъективные портреты являются «средством фиксации не доказательственной, а ориентирующей информации» [40, с. 127]. Подобные отображения несут в себе множество субъективных компонентов представления об искомом объекте.

Не вызывает никакого сомнения утверждение А. Я. Гинзбурга о том, что рисованные (синтетические) портреты позволяют судить лишь о большей или меньшей степени сходства с реальным объектом [41, с. 77].

Глава 1 Уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования

Что же касается уже упомянутой реконструкции лица по черепу, выражу солидарность с авторами, считающими результат такой восстановительной процедуры в большей степени субъективным и приблизительным. Однако полученная информация о внешности искомого лица с использованием субъективных отображений помогает сузить группу искомого объекта и получить важнейший ориентир, являющийся первым шагом к решению задачи по идентификации неизвестного лица. Последующим же этапом может стать назначение и проведение различного рода идентификационных судебных экспертиз, к числу которых относятся: медико-криминалистические, фотопортретные и молекулярно-генетические.

Завершая разговор об объектах следует сказать, что их перечень должен быть четко обозначен законодателем, дабы не возникало соблазна в свободном их толковании. Представляется, что к их числу следует отнести: живые лица, предметы, труп человека и его части, посмертные маски (объемные пластические модели), животных или их части. Идентификация по фото возможна лишь в исключительных случаях.

Как и другие следственные действия, предъявление для опознания проводится при наличии достаточных к тому оснований. В юридической литературе такие основания делятся на правовые и фактические.

Правовым основанием предъявления для опознания является предусмотренное законом правомочие лица, расследующего преступление, на его производство, а фактическим – та совокупность данных, которой располагает этот субъект к моменту решения вопроса о проведении предъявления для опознания и которая обусловила его необходимость. По сути дела, эти основания четко обозначены законодателем в ст. 193 УПК РФ [1].

Решение о производстве предъявления для опознания субъект, расследующий преступление, принимает самостоятельно и несет полную ответственность за своевременное и законное его проведение. При этом не требуется никаких дополнительных согласований, разрешений и даже оформления соответствующим постановлением. Во всяком случае уголовно-процессуальный закон таких требований не содержит. И многие исследователи данной проблемы считают это положение вполне оправданным.

Однако в литературе встречаются иные суждения по данному вопросу. Так, например, З. Г. Самошина высказывалась за введение письменной формы постановления о производстве предъявления для опознания. Она полагала, что «затраты времени на его составление, несомненно, компенсировались бы уменьшением числа ошибок при принятии решений, письменное постановление о предъявлении для опознания позволит в каждом конкретном случае четко отграничить это следственное действие как от других следственных действий, так и от оперативных мероприятий» [19, с. 25–26].

Если предположить, что вынесенное постановление исполнит ту роль, которая ему отводится в приведенном выше умозаключении, то с указанным предложением можно было бы согласиться. Но изучение следственной практики свидетельствует о том, что повышение эффективности предъявления для опознания нужно искать в строгом соблюдении процедуры его проведения, а также в оптимизации криминалистических рекомендаций.

Рассуждая по этому вопросу, профессор А. П. Рыжаков утверждает, что законодатель, не настаивает на вынесении специального постановления и в случаях обеспечения безопасности лицам, принимающим участие в рассматриваемом следственном действии. Хотя некоторые авторы считают это целесообразным. Ученый совершенно справедливо отмечает, что вынесение постановления или его отсутствие в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, не является основанием расценивать это как обстоятельство, способное повлиять на признание протокола полученным с нарушением закона и, соответственно, считать недопустимым доказательством [31].

Далее автор небезосновательно рекомендует, в случае проведения опознания в режиме вне визуального контакта, в начале протокола комментируемого процессуального действия излагать причины, которые привели субъекта к подобному решению.

Важным аспектом в обозначенной следственной ситуации становится не только тщательно продуманная процедура опознания в специальных условиях одностороннего контакта, но и дальнейшая сохранность в тайне информации о личности. Законодатель, обеспечивая безопасность лицам, участвующим в предъявлении для опознания, делегирует лицу, расследующему преступление, право не приводить в протоколе следственного действия такие дан-

ные (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) [1]. Решение о сохранении в тайне информации о личности принимается с согласия руководителя следственного органа, а при производстве дознания – с согласия начальника органа дознания и оформляется соответствующим постановлением, где излагаются основания принятого решения, указывается псевдоним и предлагается образец подписи, который будет использоваться как в протоколе данного следственного действия, так и в протоколах иных следственных действий с его участием. Вполне логично в комментируемой норме говорится о хранении вынесенного постановления в опечатанном конверте, приобщенном к уголовному делу, в условиях невозможности изучения его содержимого иными участниками уголовного судопроизводства.

Главным участником и организатором предъявления для опознания является следователь (дознатель). Именно он принимает решение о его необходимости и своевременном производстве, определяет круг лиц, порядок и тактические условия проведения, организует комплекс важнейших подготовительных мероприятий, направленных на выбор места и времени, подбор статистов, понятых и других участников следственного действия.

К обязательным участникам предъявления для опознания законодатель относит опознающего и опознаваемого, которыми, согласно закону, могут быть свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый. Здесь имеется в виду обязательность в том смысле, что при отсутствии опознаваемого или опознающего само предъявление для опознания невозможно.

Что же касается подозреваемого и обвиняемого, то их участие в данном следственном действии должно быть только добровольным. Следователь (дознатель) должны позаботиться о том, чтобы опознание не только состоялось, но и не было сорвано указанными лицами. Для этого существует ряд криминалистических рекомендаций, учет которых позволит организовать и провести намеченное процессуальное действие.

Необходимо указать на так называемый необходимый вспомогательный персонал, в том числе и статисты, в качестве которых могут выступать лица, отвечающие указанным в законе требованиям, не имеющие отношения к расследуемому делу и не заинтересованные в его исходе.

Важными участниками являются понятые, ненадлежащий подбор которых влечет за собой потерю доказательственного значения полученного в процессе предъявления для опознания результата.

Законодатель, дабы усилить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, не достигших шестнадцати лет, либо достигших, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, ввел ст. 191 [1]. В соответствии с ее положениями обязательными участниками выступают психолог или педагог. Лицо, осуществляющее названное следственное действие, может выбрать одного из указанных лиц на своем усмотрение, исходя из сложившейся следственной ситуации. Однако в ч. 4 ст. 191 особо подчеркивается, что если в отношении обозначенной категории несовершеннолетнего совершено преступление против половой неприкосновенности, то участие психолога становится безальтернативным. Комментируемая норма также содержит указание на участие в рассматриваемом следственном действии законного представителя несовершеннолетнего.

Другие лица могут участвовать в предъявлении для опознания в зависимости от конкретной ситуации по приглашению следователя (дознателя) либо по собственной инициативе, реализуя предоставленные им законом права.

Так, может быть приглашен специалист для получения консультации как до, так и в ходе производства этого следственного действия, либо для закрепления его результатов с помощью технических средств. Необходимость в переводчике возникает, когда участник предъявления для опознания не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Следует назвать еще одного участника, осуществляющего защиту прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и, соответственно, оказывающего юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Согласно ст. 49 УПК РФ им является защитник. Его полномочия достаточно полно урегулированы законом, и возможность участия в предъявлении для опознания вполне обоснована.

В рассматриваемом следственном действии могут также участвовать работники органа дознания и другие лица.

1.2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ

Психологические особенности предъявления для опознания живых лиц предопределены знаниями законов взаимодействия человека с внешней средой и их строгим учетом при расследовании преступлений.

Насколько успешным будет результат планируемого следственного действия во многом зависит от знания следователем (дознавателем) психологических закономерностей, лежащих в основе предъявления для опознания. Правоприменитель должен четко представлять себе психические процессы, происходящие в сознании человека при восприятии объекта, его запоминании и, соответственно, узнавании. Безусловно, при полном и адекватном восприятии потенциальным опознающим значительного количества информации, связанной с расследуемым деянием и ее запоминанием, зависит очень многое. Однако именно психологическая составляющая позволит грамотно организовать и провести рассматриваемое следственное действие. Использование данных психологии помогает разобраться в психологических особенностях личности, наметить линию поведения субъекта доказывания, грамотно определить необходимый арсенал тактических приемов, используемых как на допросе, предшествующем опознанию, в ходе самого процессуального действия, так и при проверке и оценке его результатов.

Исследованием проблем, связанных с концептуальными основами психологической сущности опознания, занимались многие видные ученые. К их числу можно смело отнести М. С. Шехтера, А. Р. Ратинова, В. С. Бурданову, И. Е. Быховского, А. Я. Гинзбурга, Ю. В. Чуфаровского, М. И. Еникеева и других. На основании анализа их трудов можно прийти к ряду выводов.

Во-первых, под опознанием понимаются сложные психологические процессы человека, происходящие в его сознании.

Во-вторых, своеобразным следом, т.е. идентифицирующим объектом, является идеальная категория – мысленный образ, носителем которого выступает исключительно тот человек, который непосредственно участвовал в процессе восприятия преступного события и в дальнейшем способный выступить в роли опознающего.

В-третьих, посредством сопоставления (сличения) мысленного образа, который запечатлелся в памяти, при непосредственном восприятии с аналогичными объектами, которые предлагаются ему для обозрения и сравнения, опознающий приходит к выводу об их тождестве, сходстве или различии.

Таким образом, опознание является заключительным актом целого ряда психических процессов, которые можно объединить под общим названием – процесс формирования показаний опознающего.

Важно сказать, что процесс формирования образа представляется как сложнейшая многообразная деятельность мозга, органов восприятия и движения. В нем участвуют все психические функции человека: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, речь, склонности, личностные особенности, эмоциональные процессы, потребности, интересы.

Эти процессы представляют собой сложные формы психической деятельности как результат функционирования не только так называемых анализаторов, но и всего организма в целом [42, с. 180].

В связи со сказанным полностью разделяю позицию Н. А. Моисеева и Н. Г. Новоселова, считающих, что обозначенный процесс происходит не по типу «фотографирования», т.е. механического отображения свойств объектов материального мира в сознании человека, как в зеркале, а именно при задействовании всего аспекта психической деятельности [43, с. 27].

Необходимо отметить, что существуют различные взгляды относительно вопроса о стадиях (этапах) формирования показаний лиц, которые в дальнейшем могут выступить в роли опознающего, а также их содержания. Эти аспекты нашли свое отражение в работах А. В. Дулова, Н. М. Порубова, А. Р. Ратинова, А. Г. Шестерова др. [44, с. 192–203; 45, с. 101; 46, с. 167; 47, с. 5]. В специальной литературе они представлены как восприятие, запоминание и воспроизведение. Между тем замечу, что воспроизведением увиденного, услышанного и

прочего заканчивается лишь процесс передачи информации, осуществляемой при производстве допроса как необходимого элемента рассматриваемого следственного действия. Соответственно, само отождествление остается за рамками вышеуказанных процессов.

Детально проработав стадию идентификации, профессорами Н. Н. Гапановичем и В. Е. Коноваловой было отмечено, что она включает в себя еще и закономерные психические процессы отыскания и выявления признаков у объектов, которые ранее были восприняты в момент, интересующий следственные органы, сохранились в памяти и актуализировались при производстве опознания. В подобном случае вполне обоснован вывод как об опознании, сходстве (установлении групповой принадлежности) либо о неузнавании [14, с. 18–19; 48, с. 105–106].

Совершенно справедливо Е. В. Коновалова считает, что на результат опознания влияют как правильная диагностика формы восприятия, так и доскональный учет видов узнавания.

Поскольку указанные факторы базируются на соответствующих психологических процессах, происходящих в сознании человека, то их познание позволяет выделить некоторые виды узнавания, к числу которых относят: сукцессивное (аналитическое) и симультанное (синтетическое).

Упомянутые виды содержат различный механизм узнавания. И если сукцессивное основано на мыслительных воспоминаниях человека, а также отборе и сопоставлении признаков объекта, хранящихся в его памяти, то симультанное связано с мгновенным узнаванием, минуя процессы предварительного описания объекта, а также имеющих характерных примет и признаков.

В связи с этим криминалисты предлагают классифицировать ситуации, исходя из механизма узнавания, на простые и сложные. Простая характеризуется тем, что допрашиваемый достаточно полно излагает информацию о воспринятом, описывает приметы и особенности объекта и при предъявлении для опознания уверенно опознает одного из предъявленных ему лиц. Подобная благоприятная ситуация возможна лишь тогда, когда объект хорошо знаком потенциальному опознающему и условия его восприятия вполне удовлетворительные. Однако чаще всего следователю (дознавателю) приходится сталкиваться со сложной ситуацией, когда опознающий демонстрирует неспособность описать внешность искомого лица и его отличительные признаки, но при этом вполне допускает возможность последующего опознания.

М. С. Шехтер полагал, что симультанное узнавание происходит на основании лишь одного существенного признака объекта [49, с. 47].

Отмечу, что эксперименты в области судебной психологии показали, что рассматриваемые виды являются совершенно равнозначными как по восприятию объекта, так и в плане точного узнавания впоследствии. Интересной деталью, выявленной учеными, стал факт, касающийся того, что в большинстве случаев опознание происходит не только и не столько по тем признакам, которые описывались ранее, сколько по другим, которые скрытно хранились в памяти. [50, с. 263].

Подобные рассуждения наталкивают на мысль об использовании в уголовном процессе симультанного вида узнавания. Однако далеко не все ученые-процессуалисты поддерживают данный подход, полагая, что классическое одномоментное (синтетическое) узнавание не состоятельно, поскольку противоречит научной доктрине.

Так, некоторые авторы (А. Я. Гинзбург, В. П. Колмаков) утверждают, что одномоментное узнавание не соответствует уголовно-процессуальному закону. В частности, при допросе опознающий должен называть особенности лица, по которым впоследствии оно и должно быть опознано. Также вышеупомянутые исследователи указывают и на то, что одномоментное узнавание оспаривает идентификационную сущность опознания, в случаях когда опознающий не имеет возможности выделить индивидуальный комплекс признаков с последующим описанием их в протоколе следственного действия [34, с. 13; 51, с. 35]. Сказанное подтверждает и другую мысль, связанную с подбором статистов (лиц, совместно предъявляемых для опознания), ведь если отсутствует информация об особенностях внешнего облика опознаваемого, достаточно сложно представить, как будет осуществлена процедура подбора статистов.

Безусловно, приведенные аргументы, совершенно справедливы. Несомненно, что подробное описание специфических признаков упрощает процесс опознания, однако вполне

обоснованно звучит и другая, противоположная позиция авторов, утверждающих, что одномоментное узнавание также должно охватываться нормами УПК РФ, в связи с тем что его природа базируется на закономерностях функционирования психических явлений, что должно учитываться при правильной интерпретации результатов опознания [52, с. 29–32].

Освещая данный вопрос, следует опираться и на исследования, проводимые ранее нашими известными учеными, считающими возможным осуществлять опознание без выделения и описания признаков (Г. И. Кочаров, П. П. Цветков, З. Г. Самошина, А. Р. Ратинов, М. Л. Сегай и др.).

В настоящее время обозначенная дискуссия продолжает оставаться актуальной. Очень категорично по этому поводу высказывается Т. П. Будякова, констатируя, что «... в криминалистике принят ошибочный подход при определении критериев точного опознания. Установленная процедура не отражает естественный характер восприятия как целостного процесса» [53, с. 63].

Озвучивается мнение, что «...даже в случае отсутствия подробного описания признаков лица предъявление для опознания необходимо проводить» [54, с. 26].

Думается, что при определенных ситуациях резонно поддержать мнения ученых, относительно их рекомендаций о возможности вовлечения симультанного опознания в уголовное судопроизводство.

В продолжение мысли о симультанном опознании, вполне обоснованно авторы Иванова Л. Ф. и Иванов Д. С. резюмируют, что «сведения, полученные при предъявлении для опознания без предварительного описания объекта, должны оцениваться в совокупности с другими проведенными следственными действиями» [55, с. 21–25].

Важно обратить внимание, что сам процесс описания для многих людей становится очень непростой задачей. Выразить словами или визуализировать то, что ранее воспринималось гораздо труднее, чем узнать при непосредственном предъявлении для опознания. Более того, сложность усиливается в случаях малой образованности человека, наличия у него скудного словарного запаса, а также небольшого жизненного опыта. Как показывает практика, для подавляющего большинства лиц достаточно проблематично описать признаки голоса, речи, походки, особенности фасона одежды и пр.

В связи со сказанным следует отметить, что допрашивая потенциального опознающего, следователь (дознатель) должен использовать весь арсенал тактических приемов, направленных на оживление ассоциативных связей, актуализацию латентно запечатленной информации, при этом избегая наводящих вопросов, которые, как известно, таят в себе значительный потенциал внушения, и ведущих к возможному искажению криминалистически значимых сведений.

Таким образом, можно констатировать, что при грамотном и умелом подходе лица, расследующего преступление, практически всегда можно получить самые общие признаки опознаваемого объекта, т.е. соблюсти требования закона о необходимости их описания в протоколе проводимого следственного действия.

Рассуждая о психологических аспектах опознания, следует отметить, что субъект доказания, принимая решение о его проведении, должен четко себе представлять, что на полноту и адекватность запечатлеваемой информации во время ее восприятия оказывают влияние объективные и субъективные факторы. При подготовке и производстве опознания они должны подвергаться самому тщательному анализу и учету.

Под субъективными факторами традиционно понимают психофизиологическое и (или) эмоциональное состояние субъекта в тот момент, когда он воспринимает событие. Здесь речь идет о самых различных чувствах, переживаемых человеком, и сопровождаемых эмоциях, к числу которых следует отнести: страх, ужас, гнев, обиду, негодование и другие. При восприятии информации, как правило, происходит ее переосмысление на индивидуальном уровне.

Следует заметить, что любое необычное событие заставляет человека активизировать свою мыслительную деятельность, которая, в свою очередь, приводит к усилению познавательных аспектов мышления, таких как: восприятие, воображение, ощущения и т.п. Тем самым такой компонент, как внимание человека, на данном этапе приобретает особое значение.

В специальной литературе отмечается, что внимание является ключевой составляющей деятельности человека, а также всех психологических процессов, связанных с ней. Соответственно, чем активнее восприятие, тем лучше результат воспроизведения. Психологи

утверждают, что активное восприятие (произвольное внимание) – это способность индивидуума четко и точно воспринимать, и запоминать немалое количество событий, которые в подсознании могут оставаться надолго. И напротив, следствием неактивного восприятия является низкая способность человека адекватно воспринимать и в последствии воспроизводить информацию о произошедшем.

В контексте данного пособия речь идет не об обыденном процессе восприятия, а о восприятии, связанном с преступлением. Как правило, став невольным свидетелем подобного события, последний инстинктивно направляет свои мыслительные усилия на запоминание случившегося. Следует заметить, что при наличии нескольких свидетелей воспринятая ими информация может трактоваться по-разному это объясняется тем, что каждый человек исходя из своего уровня развития, иных особенностей все же субъективен и этот факт необходимо учитывать при анализе получаемой от них информации. Что же касается потерпевшего, то на адекватность и полноту воспринятого будут существенно влиять и дополнительные факторы, связанные с отрицательными эмоциями, испытываемыми жертвой в момент противоправного деяния.

Очень емко о факторе страха высказался Срезневский В. В., подчеркнув, что: «В первое время после испуга или волнения круг представлений сужен и сосредоточен на пережитом впечатлении и связанных с ним обстоятельствах. Поэтому после отрицательных эмоций восприятие не получает достаточного количества разнообразных связей, необходимых для качественного запечатления пережитого. При таких эмоциональных состояниях нарушается деятельность внимания» [56, с. 259].

Важно, что нарушение этих связей, определяемых отрицательными эмоциями, впоследствии постепенно восстанавливаются, и человек может вспомнить, со временем, какие-то детали, о которых он не говорил ранее на допросе. Исходя из сказанного, необходимо помнить о том, что не лишним будет допросить лицо еще раз после того, как он восстановит свое нормальное эмоциональное состояние, и воспринятое разложится у него «по полочкам».

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание. Как показывает практика по делам о тяжких насильственных преступлениях, при выяснении у потерпевшего признаков внешности преступника достаточно часто в протоколах допросов имеют место быть описания, характеризующие насильника как: «ужасного», «невероятных размеров», «с жуткими сверкающими глазами» и т.д. Сказанное объясняется тем, что человек, в отношении которого совершается насилие, находится в сильнейшем стрессе и, как следствие, вполне реальна ситуация, когда происходит подмена истинного облика на искаженный, существенно отличающийся от оригинала. Следует также отметить, что подобная проблема довольно характерна для детей, в связи с тем, что у них способность активного восприятия развита довольно слабо и для того чтобы получить необходимую информацию от малолетнего свидетеля или потерпевшего необходимо воспользоваться квалифицированной помощью специалиста.

Вышеназванные обстоятельства обязательно должны учитываться следователем (дознавателем) при допросе, когда речь идет о выяснении образа искомого лица. В этой связи, как уже отмечалось ранее, свидетель преступления, в отличие от жертвы, может дать более адекватные показания о собственных и сопутствующих признаках внешности фигуранта, выделяя при этом особые и бросающиеся в глаза приметы в случае их наличия. Это связано с тем, что степень психологических переживаний свидетеля в разы меньше, нежели степень переживаний жертвы преступления.

Снижению качества воспринимаемого события способствует и состояние лица, находящегося в наркотическом или алкогольном опьянении. Установлено, что действие упомянутых веществ в буквальном смысле способны уничтожать нейроны мозга и, как следствие, «стирать» из памяти целые эпизоды произошедшего. Полученные сведения в подобных случаях должны быть критически оценены. Существенным аспектом является и выяснение у будущего опознающего информации, связанной с различного рода аномалиями, присущими этому лицу, к примеру: слабое зрение, дальновзоркость, пониженный слух, неспособность различать цветовую гамму. Или, наоборот, очень хорошо видеть в темноте или прекрасно слышать при наличии высокого порога восприятия.

Следует отметить, что при восприятии события, проявляется и такая закономерность психического процесса, как апперцепция. Ее сущностной чертой является то, что человек, связанный с определенной профессиональной деятельностью, приобретает опыт, знания,

Глава 1 Уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования

соответствующие установки, что позволяет ему успешнее запомнить тот или иной объект и впоследствии его охарактеризовать. Практические работники также подтверждают, что запоминание признаков происходит гораздо лучше, если объект связан с соответствующей профессией. Так, например, автомеханики, водители, хорошо запоминают все, что связано с автотранспортными средствами. Дизайнеры, стилисты, швеи, без труда запомнят и опишут все, что связано с сопутствующими признаками человека (фасон одежды, головных уборов, оригинальных украшений). Это является свидетельством приобретения избирательного профессионального осознания, основанного на апперцепции.

Полнота и правильность восприятия обуславливается также рядом объективных факторов. К их числу следует отнести: освещенность воспринимаемого объекта, расстояние, на котором произошло наблюдение, состояние погоды, время протекания события и др.

Совершенно справедливо мнение А. М. Баранова и Я. М. Мазунина, отмечавших, что на узнавание в ходе предъявления для опознания влияют условия, в которых воспринимался или воспринимается объект. Для предотвращения возможных искажений авторы рекомендуют тщательно выяснять эти условия и, по возможности, их воспроизводить. Важным моментом является, к примеру, необходимость предъявлять человека в той же одежде [57, с. 20–24]. Добавлю, что не только одежда играет роль, но и весь внешний вид в целом. Следует достаточно скрупулезно выяснять все, что запомнил потенциальный опознающий относительно внешнего облика (прическа, наличие бороды, усов, очков и прочих признаков).

Для получения правильных результатов опознания в случаях планирования его производства по признакам голоса и речи, следует учитывать определенные акустические условия, в которых воспринималась информация, связанная с преступным событием.

При необходимости, с целью установления достоверности показаний допрашиваемого лица, следует провести следственный эксперимент, посредством которого можно получить более объективные и правдивые данные интересующие следствие.

Итак, важно еще раз подчеркнуть, что предъявление для опознания базируется на сложных специфических психических процессах, предполагающих активную, осознанную деятельность опознающего. Однако опознание в уголовном судопроизводстве не только мыслительный процесс, но и волевой, управляемый лицом, его осуществляющим. Понимание субъектом доказывания психологической сущности опознания и проведение его в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством способствует правильной организации рассматриваемого следственного действия, его оценке и проверке полученных результатов.

Отмечу, что оценивает ход и результаты проведенного процессуального действия именно следователь (дознатель). Осуществляя свою познавательную деятельность в рамках опознания, он приходит к выводу о том, произошел ли факт идентификации, установлено ли лишь сходство, либо предъявленный объект не является искомым. В любом случае опознающий является лишь носителем криминалистически-значимой информации, позволяющей правоприменителю, осуществляющему расследование, использовать ее, правильно организовав и осуществив это следственное действие.

В свое время на данное обстоятельство обратил свое внимание А. Я. Гинзбург, отмечавший, что следует считать ошибочным мнение о том, что предъявление для опознания заключается в установлении потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым тождества или групповой принадлежности ранее воспринимавшегося объекта [58, с. 119].

Автор особо подчеркнул, что указанные лица лишь заявляют об узнавании, в свою очередь, следователь уточняет путем постановки вопросов опознающему степень узнавания, оценивает полученный результат, сопоставляет его с другими доказательствами и, таким образом, осуществляет отождествление (идентификацию) [59, с. 14].

Итак, в данной части работы были рассмотрены фундаментальные уголовно-процессуальные и психологические аспекты предъявления для опознания, для реализации же обозначенных предписаний будут освещены криминалистические положения, связанные с организационно-подготовительными действиями, а также с тактическими особенностями производства опознания живых лиц по анатомическим (статическим) и динамическим (функциональным) признакам. Этому будет посвящена вторая часть настоящего пособия.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 24 сентября 2023 года: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Москва: Проспект, 2023. – 416 с.; 20 см. – (Актуальное законодательство). – 35000 экз. – ISBN 978-5-392-39416-6, 978-5-392-39504-0. – Текст: непосредственный.
2. Громов, В. И. Предварительное расследование по уголовным делам. Руководство для органов расследования / В. И. Громов. – Москва, 1930. – С. 211–218.
3. Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений: методическое письмо Прокуратуры СССР. – М., 1936.
4. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – Москва: Юридическое издательство НКЮ, 1946. – 310 с. – Текст: непосредственный.
5. Чельцов, М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Москва: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. – 624 с. – Текст: непосредственный.
6. Кочаров, Г. И. Опознание на предварительном следствии / Г. И. Кочаров. – Москва, 1955. – Текст: непосредственный.
7. Кочаров, Г. И. Некоторые вопросы опознания. Криминалистика на службе следствия / Г. И. Кочаров. – Москва, 1956. – Текст: непосредственный.
8. Терзиев, Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности / Н. В. Терзиев. – Москва, 1956. – Текст: непосредственный.
9. Колесниченко, А. П. Предъявление личности для опознания на предварительном следствии / А. П. Колесниченко. – Текст: непосредственный // учен. зап. Харьк. юрид. ин-та. – 1955. – № 6.
10. Советский уголовный процесс : учебник / Б. Т. Безлепкин, Ю. Н. Белозеров, В. П. Божьев, С. В. Бородин [и др.]; / под редакцией профессора С. В. Бородина. – Москва: издательство Академии МВД СССР, 1982. – 578 с. – Текст: непосредственный.
11. Следственные действия. Процессуальная характеристика, тактика и психологические особенности: учебное пособие / А. К. Гаврилов, Ф. В. Глазырин, С. П. Ефимичев, А. А. Закатов [и др.]; под общей редакцией Б. П. Смагоринского. – 2-е издание, переработанное и дополненное – Москва: издательство УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 242 с. – Текст: непосредственный.
12. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / В. И. Басков, К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев, Э. Ф. Купцова [и др.]; под редакцией К. Ф. Гуценко. – 2-е издание переработанное и дополненное. – Москва: Зерцало, 1998. – 575 с. – Текст: непосредственный.
13. Уголовный процесс: учебник для вузов / Л. Б. Алексеева, В. А. Давыдов, М. С. Дьяченко, Г. П. Ивлиев [и др.]; под общей редакцией: П. А. Лупинской. – Москва: Юристъ, 1995. – 544 с. – Текст: непосредственный.
14. Гапанович, Н. Н. Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы) / Н. Н. Гапанович. – Минск: издательство БГУ им. Ленина, 1975. – 176 с. – Текст: непосредственный.

Библиографический список

15. Общая и юридическая психология (в двух частях): Юридическая психология: учебник. Ч. 2 / М. И. Еникеев. – Москва: Юрид. лит., 1996. – 560 с. – Текст: непосредственный.
16. Терзиев, Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. – М., 1956.
17. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений: монография / Ю. Н. Михайлова, В. В. Степанов. – Саратов: издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – 168 с. – Текст: непосредственный.
18. Цветков, П. П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе / П. П. Цветков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – 114 с. – Текст: непосредственный.
19. Самошина, З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии / З. Г. Самошина. – Москва: издательство МГУ, 1976. – 90 с. – Текст: непосредственный.
20. Крикунов, А. Е. Тактика и психологические основы предъявления для опознания на предварительном следствии: учебное пособие / А. Е. Крикунов, А. Ф. Маевский. – Киев, 1977. – 82 с. – Текст: непосредственный.
21. Противинский, М. К. Предъявление для опознания на предварительном следствии (по материалам ЧССР): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. К. Противинский. – Москва, ВШ МВД СССР, 1969. – 20 с. – Текст: непосредственный.
22. Уголовный процесс: учебник для вузов / А. А. Усачев [и др.]; под редакцией А. А. Усачева. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 468 с. – Текст: непосредственный.
23. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б. Б. Булатов [и др.]; под редакцией Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. – 8-е издание, переработанное и дополненное – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 581 с. – Текст: непосредственный.
24. Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 617 с. – Текст: непосредственный.
25. Ганский, А. Л. Некоторые проблемы правового регулирования предъявления для опознания и проведения судебной экспертизы / А. Л. Ганский, А. В. Гусев. – Текст: непосредственный // Вестник криминалистики. – Москва, 2003. – № 2 (6). – С. 91–93.
26. Снетков, В. А. Криминалистические средства и методы собирания, фиксации и использования признаков внешности при установлении личности / В. А. Снетков, А. М. Зинин: Москва, издательство ВНИИ МВД СССР, 1976, 36 с. – Текст: непосредственный.
27. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: учебно-практическое пособие / А. Я. Гинзбург; под редакцией Р. С. Белкина. – Москва, 1996. – 122 с. – Текст: непосредственный.
28. Егорова, Е. В. О некоторых актуальных проблемах предъявления лиц для опознания / Е. В. Егорова. – Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 6. – С. 50–54.
29. Колдин, В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам / В. Я. Колдин. – Москва: Издательство Московского университета, 1969. – 149 с. – Текст: непосредственный.
30. Комиссаров, В. И. Тактика предъявления для опознания. Тактика следственных действий: учебное пособие / под редакцией В. И. Комиссарова. – Саратов, 2000. – 145 с. – Текст: непосредственный.

31. Рыжаков, А. П. Предъявление для опознания как уголовно-процессуальное действие. Комментарий к статье 193 УПК РФ / А. П. Рыжаков. – Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003. – Текст: электронный.

32. Князьков, А. С. Проблемные вопросы предъявления для опознания / А. С. Князьков – Текст: непосредственный // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 81–86.

33. Баранов, А. М. Об изменении редакции одного из условий предъявления для опознания / А. М. Баранов, Я. М. Мазунин – Текст: непосредственный // Педагогика в правоохранительных органах, 2013. – № 1 (52). – С. 24–25.

34. Гинзбург, А. Я. Тактика предъявления для опознания / А. Я. Гинзбург; под редакцией И. М. Лузгина. – Москва: Юрид. лит., 1971. – 64 с. – Текст: непосредственный.

35. Цыпленкова, Е. В. Тактика проверки показаний обвиняемого на предварительном следствии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. В. Цыпленкова. – Свердловск, 1991. – 21 с. – Текст: непосредственный.

36. Корухов, Ю. Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде / Ю. Г. Корухов. – Москва: Юрид. лит., 1969 – 64 с. – Текст: непосредственный.

37. Гаврилин, Ю. В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : учебное пособие / Ю. В. Гаврилин ; под общей редакцией : Н. Г. Шурунова. – Москва: Книжный мир, Издательство ЮИ МВД РФ, 2001. – 88 с. – Текст: непосредственный.

38. Егорова, Е. В. К вопросу о видах предъявление для опознания / Е. В. Егорова, Д. А. Бурыка. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России – 2015. – № 1. – С. 412–424.

39. Дубягин, Ю. П. Проблемы криминалистического отождествления человека в обычных условиях расследования и в чрезвычайных ситуациях: 12.00.09: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ю. П. Дубягин. – Москва, 2000. – 557 с. – Текст: непосредственный.

40. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики: Частные криминалистические теории: пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2 / Р. С. Белкин. – Москва: Издательство Академии МВД СССР, 1978. – 410 с. – Текст: непосредственный.

41. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: учебно-практическое пособие / А. Я. Гинзбург; под редакцией Р. С. Белкина. – Москва, 1996. – 122 с. – Текст: непосредственный.

42. Смирнов, А. А. Психология: учебник для педагогических институтов / А. А. Смирнов. – Москва: Учпедгиз, 1956. – 575 с. – Текст: непосредственный.

43. Моисеев, Н. А. Психологическая характеристика опознавательного процесса в ходе раскрытия и расследования преступлений / Н. А. Моисеев, Н. Г. Новоселов. – Текст: непосредственный // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 3. – С. 25–29.

44. Дулов, А. В. Судебная психология: учебное пособие / А. В. Дулов. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Минск: Вышэйш. шк., 1975. – 464 с. – Текст: непосредственный.

45. Порубов, Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н. И. Порубов. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Минск: Вышэйш. шк., 1973. – 368 с. – Текст: непосредственный.

Библиографический список

46. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие / А. Р. Ратинов. – Москва: НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1967. – 290 с. – Текст: непосредственный.
47. Шестеров, А. Г. Психология допроса свидетелей и потерпевших / А. Г. Шестеров. – Ташкент, 1974. – 24 с. – Текст: непосредственный.
48. Коновалова, В. Е. Правовая психология: учебное пособие для юридических вузов и факультетов по специальности «Правоведение» / В. Е. Коновалова. – Харьков: Основа, 1990. – 198 с. – Текст: непосредственный.
49. Шехтер, М. С. Психологические проблемы узнавания / М. С. Шехтер – Москва, 1967. – 219 с. – Текст: непосредственный.
50. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие / А. Р. Ратинов – Москва : НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1967. – 290 с. – Текст: непосредственный.
51. Колмаков, В. П. Идентификационные действия следователя / В. П. Колмаков. – Москва: Юрид. лит., 1977. – 112 с. – Текст: непосредственный.
52. Иванова, Л.Ф. Тактико-психологические приемы предварительного допроса опознающего / Л.Ф. Иванова. – Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 29–32.
53. Будякова, Т. П. Экспериментальная оценка эффективности словесного портрета при опознании личности / Т. П. Будякова. – Текст: непосредственный // Экспериментальная психология. Московский государственный психолого-педагогический университет. – 2016. – № 2. – С. 63.
54. Степаненко, Д. А. Психологическая сущность предъявления для опознания (тактико-криминалистические аспекты) / Д. А. Степаненко, И. М. Егерев. – Иркутск, 2006. – 61 с. – Текст: непосредственный.
55. Иванова, Л. Ф. Предъявление для опознания (психологический аспект) / Л. Ф. Иванова – Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 21–25.
56. Срезневский, В. В. Испуг и его влияние на некоторые физические и психические процессы: Экспериментальное исследование с обзором учений об эмоциональных состояниях / В. В. Срезневский – из психологической лаборатории академика В. М. Бехтерева. – СПб., 1906. – 326 с. – Текст: непосредственный.
57. Сущность предъявления для опознания как психофизиологический процесс узнавания / Баранов А. М., Мазунин Я. М. – Текст: непосредственный // Психопедagogика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2 (49). – С. 20–24.
58. Криминалистика: в 2-х томах. Том 2 / под редакцией Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. – Москва, 1988. – 384 с. – Текст: непосредственный.
59. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: учебно-практическое пособие / А. Я. Гинзбург; под редакцией Р. С. Белкина. – Москва, 1996. – 122 с. – Текст: непосредственный.

Ирина Викторовна Шевчук

**ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ
НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ**

Учебное пособие

Часть 1

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память: 2 ГБ оперативной памяти
Пространство на жестком диске 379 КБайт

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10